

Игорь СИДОРОВ

НИКОГДА

*Высокие технологии,
любовь
и смерть
в холодной стране*

Игорь Сидоров

**Никогда. Высокие
технологии, любовь
и смерть в холодной стране**

«Издательские решения»

Сидоров И.

Никогда. Высокие технологии, любовь и смерть в холодной стране
/ И. Сидоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934617-9

Со злом нельзя иметь дело: либо сам станешь злом, либо оно тебя уничтожит. Именно такой выбор может встать перед человеком, когда он страстно хочет добиться успеха. Разорившегося предпринимателя друг-американец приглашает продвигать в России высокотехнологичный стартап. Вот он, шанс снова стать успешным. У героя — опыт, энергия, влиятельные однокашники. Ради достижения цели он готов почти на всё. Не готов только предать друга. А за это придётся платить. По самой высокой ставке.

ISBN 978-5-44-934617-9

© Сидоров И.
© Издательские решения

Содержание

1. Любимая	6
2. Миллион	8
3. Предложение	11
4. Банкрот	13
5. Прагматик	15
6. Слуга народа	17
7. Явление да Силвы	20
8. Измены	23
9. Машкины взгляды	27
10. Олигарх	29
11. Силовик	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Никогда Высокие технологии, любовь и смерть в холодной стране

Игорь Сидоров

Редактор Елена Шаркова

Корректор Елена Шаркова

© Игорь Сидоров, 2019

ISBN 978-5-4493-4617-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Любимая

Он встал, когда за шторами только-только начало сереть.

Ходить утром надо тихо: в деревянном доме слышен каждый скрип, а Машка любит утром поспать. Макс, скотина, ухом не ведёт – дрыхнет в объятиях хозяйки. Полосатая башка торчит из-под одеяла.

Дровяная корзина пуста: с вечера не натащил поленьев. Машка давно твердит: надо, Иван, что-то делать с памятью.

На крыльце тёмные следы резиновых сапог отпечатывались на тончайшей серебряной фольге инея. Пожухшая трава отсвечивала металлом. Да, надвигается зима.

Иван заложил поленья в чугунок. Подпалил бересту, подождал, пока коптящее пламя охватит полешки, отрегулировал топку.

Из припрятанного ведра вынул розу, налил в высокую хрустальную вазу воды. Поставил на обеденный стол у окна. Пусть распускается потихоньку.

Он сидел и ждал, пока чугунок прогреется. Печка принялась постреливать. Пахнуло нежным берёзовым дымком. По комнате волнами расходилось тепло.

Омлет шкворчал, покрывался коричневатой корочкой. По домику расплзался аромат. Из спальни послышалось шевеление.

Увидев розу, Машка пискнула.

– Это мне? – обняла сзади, зевнула в ухо.

– Нет, Максику, – сказал Иван, прислушиваясь, как замирает сердце. – С днём рождения, любимая. У меня для тебя подарок.

– Деньги же кончаются, – радостно возразила Машка.

– У меня секретные фонды. Тебе новые сапоги нужны.

– Ваня, – спросила осторожно, теребя конверт. – Спасибо, конечно... но откуда деньги? Скажи честно.

– Никого не грабил, всё путём.

– Как же я тебя люблю, – сказала она, бережно разминая кисти рук.

Завтракали у окна. Макс торчал кувшинчиком на подоконнике, контролируя двор. Соседи поутру жгли последние листья. Белый пахучий дым полз через участок. Мёрзлую черноплодку атаковали наглые воробьи. На станции печально и страстно крикнула электричка.

...Точно так же кричала она полвека назад, когда их школьная компания топала ранним утром по тропинкам Кавголова: Машка, Ольга, Васька, Лёха и Иван. Джо вырваться не сумел, помогал отцу в гараже.

В ложбинках умирал майский ноздреватый снег. Солнечные бока пригорков почти просохли. Дача Ольгиных родителей выглядывала из косо́й штриховки кустов. Иван с Васькой вывели казанку. Здравяк Лёха, кряхтя, волок мотор.

В протоке шли на вёслах, потом завелись. Василий правил на остров посреди Большого Кавголовского. Иван сунул руку в набегающий поток.

– Холодная? – спросила Машка.

Румянец заливал её высокие скулы. Ресницы казались мохнатыми. Губы – цвета малины. Помада? Он не видел, чтобы Машка красилась. Мама у неё суровая. Да и ни к чему ей.

Развели костёр. Бубнил приёмник «Альпинист». Васька строгал шампуры. Жарили охотничьи колбаски – Ольге повезло достать.

Потом валялись на солнцепёке.

– Экзамены скоро, – вздохнула Машка. – Мама лобную кость просверлила: занимаешься мало.

– После восьмого – экзамены несерьёзные, – подал голос Васька. – Вот после десятого...

– Серьёзные в институте, – возразила Ольга. – Из школы-то нас выпихнут. Попробуй они аттестат не дать, всех в роно сожрут.

– Не в роно, а в райкоме партии, – уточнил Лёха. – За такое директор билет на стол положит.

– Какой билет? – не понял Иван.

– Партийный, какой же ещё, – пояснил Лёха.

Иван покивал. Васька с Лёхой знали вещи, о которых он понятия не имел. Дома у Васьки стоял роскошный, полированного дерева «Филиппс» – отец привёз из загранки. Не иначе, слушают Би-Би-Си. В отдельной-то квартире чего не послушать.

– А у меня что-то есть, – подала голос Машка.

Вытащила карточку, пустила по рукам. Иван увидел набрякшие внимательные глаза, редкую бородку, высокую лысину.

– Кто это?

– Эх, ты, – укорила она и чмокнула фотографию.

– Не показывай-ка ты её никому, – посоветовал Васька.

– Мы же тут все свои...

Иван с Машкой откололись исследовать остров. В десятке метров от берега начиналась прозрачная берёзовая рошица. Машка завернулась в курточку – солнце уже падало.

– Кто это был-то?

– Солженицын. Как можно не знать?

– Так его портреты не висят на каждом углу.

– Пойдёшь в девятый?

– Родителям институт не потянуть. Из техникума быстрее возьмут на работу.

– А в какой?

– Радиотехнический. Ну, ты знаешь...

Машка отвернулась.

– Точно не пойдёшь в девятый? – спросила шёпотом.

– Может, уговорю, – тоже шёпотом ответил он. – А ты бы хотела?

Сердце грохотало. Он осторожно обнял Машку. Она подняла к нему лицо, закрыла глаза. Когда они вернулись, Иван поймал внимательный взгляд Василия Сильвенко.

Не раз Иван думал: он обязательно повторится, этот день с его солнечными зайчиками, плеском волн и снегом посреди жары. Это так просто: удрать с друзьями на дачу, печь на костре картошку, целоваться, замирая, с девчонкой. Отчего нет?

Но – не повторился. Потому и запомнился в мельчайших подробностях. И всплывал из глубин памяти, обжигая сладкой болью: никогда, никогда, никогда.

...Завтракать с любимой у окна в сад. И чтобы кот пел. И воробьи кричали. И дым от листьев. Вот так и выглядит счастье.

– Умереть можно от твоего омлета, – сказала Машка. – Нельзя так, Ваня. Я толстая стала, бросишь меня, найдёшь длинноногую.

Иван откашлялся.

– Маша, поговорить надо.

– Сердце падает, когда ты такой серьёзный, – испуганно сказала она, – что случилось?

– Всё в порядке, Машенька, и даже лучше. Мне Майкл работу предложил, в его компании. Ты же помнишь Майкла? Он скоро прилетает. Специально, чтобы всё устроить.

– Да ты что! – обрадованно сказала она.

– Машину обновим, шубу тебе купим, за границу ездить будем...

– Очень-то губу не раскатывай, – тут же урезонила Машка. – Ты у меня известный фантазёр.

2. Миллион

Майкл после двадцатилетнего отсутствия совершенно неожиданно собрался в Россию. В тот день Иван отправился к Нариману – ругаться по поводу фоток для сайта. Сидели в подсобке, Иван требовал для съёмок мужика подходящих габаритов.

– Надо размера шестьдесят четвёртого.

– Где я такого найду? – отбивался Нариман. – Снимай меня!

Иван оглядел заказчика: сто шестьдесят сантиметров, встопорщенные усы, лысина, живот арбузом.

– Извини. Не годишься ты в модели.

Магазин одежды больших размеров «Гигант» стал клиентом Ивана случайно.

Зимняя куртка обтрепалась, требовалась новая.

– Прямо горит на твоих костях, – горевала Машка. – Тысяч в пять уложиться постарайся.

На Ивановы метр девяносто цены ниже десятки не опускались.

– Может, в «Гиганте» найдётся?

– Совок, дрянью торгуют...

Однако в ближайший выезд Иван неожиданно прикупил там отличную куртку – с капюшоном, на верблюьем меху, всего пять двести.

– Магазины раньше вроде побольше были, – поделился он с монументальной продавщицей.

– Половину в аренду сдали... можем вообще закрыться.

– В городе полно крупных мужиков, а вы... где хозяин?

– Приёма нет, – пробубнил маленький лысый человечек в подсобке.

– Я хочу помочь, – быстро сказал Иван.

Битый был мужик Нариман, щедро травленный отечественным бизнес-климатом. «Гигант», который удалось приватизировать в девяностые, теперь шёл ко дну: аппетиты контролирующих быстро росли. Нариман подумывал о продаже помещения.

Чтобы не упустить клиента, Иван взялся склепать «Гиганту» сайт бесплатно. Через три месяца поток покупателей вырос на четверть. Нариман повеселел.

– А ещё больше можешь сделать?

– Могу. Только не бесплатно.

Сошлись на пятнашке в месяц: поддержка, обновление текста и фото, продвижение в поисковиках. Иван агитировал за интернет-магазин.

– Сколько?

Услышав ответ, азербайджанец крепко тёр лысину:

– Знаешь, сколько я полиции отстёгиваю? А пожарке? Легче продать помещение.

...Замяукал мобильник.

– Привет, Иван! Как жизнь в России? – голос в трубке был полон солнца и плеска океанских волн.

– Отлично! А у вас там как?

Нариман смотрел с уважением: человек по-английски говорит.

– Иван, надо переговорить по скайпу. Вечером по твоему часовому поясу сможешь?

До вечера ещё было время. От Наримана Иван поехал в храм – на спевку. Добрался затемно. К громаде красного кирпича между ржавыми конструкциями и покосившимися заборами вела тропинка, вытоптанная в бурой, напитанной солярой и ржавчиной земле.

Несколько лет назад, в самые тяжкие дни, он шатался в отупении по Выборгской стороне, не решаясь ехать домой, где ждали тревожные Машкины взгляды. Посреди промзоны – заборы,

трубы, колючая проволока – обнаружился храм, способный украсить любой финский город. Вокруг – потемневшие каменные плиты. Иван всмотрелся: буквы, цифры.

– Тут раньше было кладбище.

Человек был сед и коротко стрижен.

– Я так, поглядеть, – вежливо сказал Иван.

– Я отец Пётр, настоятель храма. Тут было католическое кладбище. Видите, фамильный склеп... и за забором, но там уже не наша территория, какое-то производство...

– А плиты откуда? Соседи отдали?

– Нет, это от Ленина, – сообщил священник. – В тридцать девятом кладбище ликвидировали. Недавно реставрировали памятник Ленину у Финляндского вокзала, так площадь оказалась замощённой нашими надгробиями. Надписями вниз. Мы попросили, нам отдали. Хотите храм посмотреть?

Внутри церковь была похожа на разбомбленный цех: залитый отработанным маслом пол, торчащие из стен кабели. На голой кирпичной стене – простой деревянный крест.

– В алтаре была заводская лаборатория... а там стояли электролитические ванны...

– Электролитические, – машинально поправил Иван.

– Извините... я не хорошо знаю русский язык... А вы, случайно, не поёте? У вас настоящий баритональный бас.

Иван смутился. Он действительно любил спеть в компании.

– Я давно ищу людей, чтобы составить хор. Акустика у нас отличная, вот увидите...

– Я неверующий, – попытался уклониться Иван.

– Это ничего, – успокоил священник.

...Отец Пётр ждал на ступенях храма. Был он в штатском – вытертые джинсы, поношенная курточка. Появлению Ивана обрадовался: вот и бас приехал. Настоятель питал надежду, что рождественская месса пройдёт в сопровождении пусть небольшого, но настоящего хора.

– Не опоздал?

– Вы всегда вовремя, – священник хорошо улыбнулся.

В подвале пили пустой чай Наташа и Люся.

– Порепетируем «Тихую ночь»?

Иван кивнул.

Закончили поздно. Пока добрался до посёлка, упала темень – глаз коли. Под ногой шуршали листья. По-деревенски брехали собаки. Горели редкие окна. Народ уже разъехался: ноябрь, холодает.

Иван загнал опеля под навес, с лязгом задвинул застывшими пальцами запор на воротах, пошаркал ногами на веранде. В глубине дома требовательно заорал Максик.

– Машка, – гаркнул, отворяя дверь, – Успокой животное! Дайте спокойно зайти в дом!

– Сегодня грибной суп, – известила жена, появляясь на пороге.

Макс тёрся о ноги, поглядывал критически: ага, явился – не запыхался.

Машка пожаловалась:

– У котика корм кончается. А до пенсии неделя.

Кот в изнеможении закрыл глаза: да, хозяин, голодная смерть ждет твоё верное животное. Возможно, уже в ближайшие минуты.

– Толстеешь, брат, – сказал Иван. – Может, посидим на диете?

Кот посмотрел недружелюбно. Животное отлично понимало человеческую речь, но чувство юмора отсутствовало напрочь.

По скрипучей лестнице Иван поднялся в кабинет. Макс, стуча когтями, струился впереди.

Уложив скотину на оранжевую спецподушку перед клавишей, первым делом пробежался по новостям.

Обама переговорил с новым президентом Ирана. Сирийцы согласились уничтожить химоружие. Президента выдвинули на Нобелевскую премию мира. Украина собирается в ЕС. Бла-бла-бла.

Заквакал скайп – Майкл!

– Ты в ближайшее время из Петербурга никуда не уезжаешь?

– А что?

– Надо бы поговорить. По деловому вопросу. И не по скайпу.

– Настолько серьёзное дело?

– Иван, из-за несерьёзных дел через океан не летают, – внушительно сказал Майкл. – Я начинаю проект в России. Хочу предложить тебе работу в моей компании.

Макс заинтересованно приоткрыл глаз: хозяин, не будь дураком, тут что-то наклёвывается.

– Встретить тебя в Пулково?

– Сам доберусь... прилечу – позвоню.

– А что за проект?

– Иван, хочешь заработать миллион?

– Миллион рублей – большая сумма, – после паузы сказал Иван.

– Я имею в виду – миллион долларов, – уточнил Майкл.

3. Предложение

Прилетев, Майкл тут же позвал Ивана на деловой ланч. Машка переживала: каблук парадных туфель мужа сносились, свитера пошли катышками. Потратив все резервы, купили ради такого случая дорогуший новый пиджак, сорочку, галстук.

Иван с Майклом встретились в маленьком ресторанчике неподалёку от Невского. Ближе к кофе американец достал подарок: жестяную коробку с карманными часами министерства обороны США.

– Чтобы ты точно знал, сколько времени осталось до богатства.

И потащил из пухлого портфеля бумаги.

Его рассказ Иван выслушал с некоторым скепсисом.

Во всём мире проблема номер один – энергия. Её нужно всё больше. Конечно, есть атомная и солнечная энергетика, имеется старый добрый уголь. Но уголь не засыплешь в бак автомобиля. Технике необходимо жидкое топливо. А нефть, из которой гонят бензин, лет через тридцать закончится.

Угроза исчерпания нефтяных месторождений – отличный стимул для поиска новых видов горючего. Тут-то только что и состоялся стратегический прорыв.

Выглядит новая технология до смешного примитивно. Реактор из прозрачных пластиковых труб, в него заливают воду с генетически изменёнными микроводорослями. Через трубы прогоняют углекислотные выбросы ближайшего завода. Водоросли поглощают солнечный свет и дармовой углекислый газ. Идёт фотосинтез – как в любом растении. Но если урожай пшеницы созревает раз в год, то масса микроводорослей увеличивается в несколько раз всего за сутки. Биомасса быстро растёт, её отжимают, на выходе – жидкое горючее, хоть сразу в бензобак.

Дешёвый пластиковый реактор можно поставить где угодно, были бы солнце, вода и углекислотные выбросы (которые, кстати, всё равно надо как-то утилизировать, из-за них Земле грозит парниковый эффект). Например, возле теплоэлектростанций. Технология доведена до промышленного уровня. И станет высокорентабельной, когда сформируется новая отрасль мировой экономики. Что это случится – сомнений нет: мир не может пройти мимо выхода из нефтяного тупика.

Есть предложение поучаствовать в этом празднике жизни.

– Вы же хотите быть современной страной? Владеть высокими технологиями? Вот, владейте. Только сначала профинансируйте.

И Майкл подмигнул.

Он мало изменился за два десятка лет.

В начале девяностых это был сорокалетний крепыш – ранняя лысина, горбатый нос, белозубая улыбка.

Загар и сверкающий оскал сохранились. Вокруг лысины – металлическая седина. Под разбойничьими глазами наметились тёмные мешки. Резче залегли складки у могучего носа. Плейбой превратился в мудреца.

Сильно изменились только глаза. Багровая сеточка сосудов намекала на стрессы. Жизнь на берегу океана совсем не столь безоблачна, как кажется с берегов Невы. Бизнес тюкает по башке и в раю под пальмами.

Что в нём сохранилось в неприкосновенности – так это бешеная энергия и непреодолимое обаяние.

В девяносто третьем Майклу втемяшилось смотреться вместе в Москву. Билетов на «СВ» не было ни за какие деньги.

– Ерунда. Увидишь, как это делается.

– Ну-ну, – Иван представил сражение американца с российской кассиршей.
На вокзале Майкл пролетел мимо каменеющих билетных очередей прямо к депутатской комнате. На звонок высунулась бабская физиономия неопределённого возраста.

– Чего нужно?

Майкл ослепительно улыбнулся и произнёс тираду.

– Господин Тэйлор спрашивает, на каком курорте вы сумели так прекрасно загореть, – перевёл Иван.

Внутри хорошо пахло, было мягко ступать по коврам.

– С билетами трудно, – предупредила служительница.

– Господин Тэйлор поражён уровнем сервиса на российских железных дорогах и личными качествами персонала, – бубнил Иван. – В знак уважения просит принять маленький презент.

Майкл вытянул яркий пакет. Служительница заглянула внутрь, ахнула.

– Вам купе или эсве?

Таким был Майкл – магнетизм, огонь, азарт. Теперь он собирался победительно пронестись по России.

– ... Но, Иван, есть проблема. Я плохо знаю ваши правила. Мне нужен человек в России. Чтобы я мог на него положиться. Шерпа. Я тут знаю только тебя. Но зато знаю хорошо. Ты меня ни разу не подвёл. Даже, помнишь, спас от ваших мафиози... Я тебе верю. Приглашаю тебя в дело.

– Майкл, мне седьмой десяток!

– Мне тоже. Отличный возраст. Мудрости много, по бабам уже не надо.

– И чем я могу тебе помочь?

– Прежде всего – зарегистрировать публичную компанию... как это у вас называется?

– Открытое акционерное общество.

– Почему у вас названия такие длинные? Нельзя просто – публичная компания?

– Публичные у нас только дома, – пресёк антироссийский выпад Иван.

– Быстро зарегистрировать компанию. Наладить связи, выйти на правительство. Это – главное. Я знаю, у вас всё делается по знакомству. Ты знаешь нужных людей, чтобы всё сделать быстро и надёжно?

– Майкл, – вкрадчиво сказал Иван, – люди-то есть, но пойми правильно: я могу их беспокоить только по очень, очень серьёзным поводам. У меня есть такой повод? Какие у меня причины, кроме старой дружбы с тобой, заниматься этим?

Майкл прокашлялся.

– Приглашаю тебя стать директором нашей российской компании. И миноритарием американской. Предлагаю один процент.

– Маловато что-то, – пошутил Иван.

Майкл поглядел в потолок, пожевал губами.

– Хорошо, полтора. Больше трудно. Бумаги подписать можем прямо сейчас.

– Был шутником, шутником и остался. Давай свои бумаги.

4. Банкрот

Отказаться от такого предложения мог только идиот. Посмотрел бы честно в глаза – нет, Майкл, какой из меня бизнесмен, здоровье ни к чёрту, энтузиазма нуль. Сэкономь лучше денежки, которые предлагаешь.

Что ж, он честно предупредил: Россия – территория риска. Столкнуться можно с чем угодно. Заработать бешенные деньги или уползти домой без штанов.

Но в мозгах Майкла идея российского бизнеса засела, видно, крепко. Он сюда и без Ивана полезет. И тогда его точно обдерут как липку. Иван, по крайней мере, уберёжет друга от грубых проколов.

Хорошо, что Майкл не слишком уж вникал в детали Иванова бизнеса. Ни к чему ему знать лишнее.

Выпускник авиаприборостроительного, Иван в чугунные семидесятые-восьмидесятые служил в проектной конторе. Тоску разгоняли пятничными пьянками.

Когда разрешили кооперативы, он немедленно сколотил такой с друзьями. Сначала согласовывали в инстанциях проекты. Потом принялись возить шмотки из Польши и Турции, компьютеры из Германии.

Наличные текли потоком. Контрольные органы ничего не контролировали, в законах зияли дыры. Кооператоры распробовали завезённый на родину социализма виски.

Иван был единственным из их компании, кто не спился в ту короткую эпоху лёгких денег. Заработанное планировал вложить в надёжное дело. Пришла либерализация цен, Иван осознал истину: всё меняется, но кушать люди хотят всегда. Война или революция, а торговать съестным кто-то должен.

Инженер-электронщик занялся торговыми зонами.

Дело нехитрое: присмотреть местечко, нацарапать на коленке проект, занести в нужный кабинет. Нанять белорусов, поставить лёгкие конструкции, сдать в аренду торгашам. Раз в месяц собирать арендную плату. Не забывать перед праздниками о презентях нужным людям.

Арендаторы брали места влёт. К девяносто восьмому его зоны стали лучшими в городе. Проекты заказывал профессиональным архитекторам, строил из финских материалов. Собирался размахнуться на крупный, весь в стекле, торговый центр. А то и не на один.

Родительскую дачу снёс, поставил коттедж. Приобрёл двушку в новом доме на Петроградской. Полюбил мюсли на завтрак.

Семнадцатого августа девяносто восьмого он поехал покупать японский телевизор с большим плоским экраном. Накануне присмотрел такой по сходной цене.

Цена оказалась раза в полтора выше вчерашней.

– Берите, берите – к вечеру ещё нолик припишем, – меланхолично посоветовал продавец.

– Чё так?

– Дефолт же.

Возле обменников клубились люди с воспалёнными глазами. На дверях магазинов повисли объявления «Закрывается». По радио твердили про закрывшиеся биржи, отставки в правительстве, скачущий доллар.

Через неделю рубль съёжился в шесть раз. Друзья, доверчиво открывшие валютные счета, с белыми от ужаса глазами выцарапывали свои кровные из самых, казалось бы, надёжных банков. Иван доллары хранил под матрасом – тем и спасся.

Однако основные деньги крутились в зонах. Арендаторы сбегали, не заплатив. На какое-то время зоны стали, смешно сказать, убыточными. Мечты о торговых центрах рухнули.

Возврат на прежние позиции занял два года. Но город за это время стал другим: попёрли московские ритейлеры, как грибы росли супермаркеты. Основной покупатель уходил туда.

А потом в город пришла баба-губернаторша, и бизнес рухнул.

Он отоцал, проступили пятна седины. Машка, славная Машка смотрела с тревогой.

Ночью подкатывалась, дышала в ухо:

– У тебя сердце стучит так сильно... как себя чувствуешь?

– Нормально, – врал Иван.

Ничего нормального как раз и не было. Одолевали одышка, шум в ушах. Какая-то пакость началась со зрением: предметы двоились.

– Может, расскажешь, что и как? – продолжала нежную дипломатию Машка.

– Да всё в порядке.

– Ну да, ну да...

Рассказать ей всю правду было невозможно. Банкротство – состояние души. Семнадцать лет назад он без малейших колебаний начал бы всё заново. В сорок пять полно драйва, сил, жажды успеха. Впереди неизведанные дороги, по ним хочется лететь в грохоте и блеске.

В шестьдесят на тебе гирей висит сознание собственного ничтожества. Всё было для успеха, а ты всё просрал.

Квартиру на Петроградской сдали жильцам. Этих денег да пенсий хватало на небогатую, но приличную жизнь. Еда, корм для Максика, лекарства для Машкиного артрита... Сами поселились в загородном домике. Тут пылала чугунная печка, пиццал интернет, мурлыкал кот. Тут было хорошо.

В начале десятых Иван любительски занялся сайтами. Начинать с сомнением: куда пенсионеру разобраться с кодами да тегами. Но – получилось. Втянулся, ощутил вкус. Повезло с «Гигантом», первым и единственным его клиентом. Новое поле деятельности нравилось: никаких контролёров, разрешений, проверок. Чистый виртуальный мир, ещё не отравленный зловонным дыханием государства.

5. Прагматик

Предложению Майкла Машка радовалась ровно до тех пор, пока Иван не познакомил её с подробностями плана. Сообщение о том, что двигать проект надо через сенатора, вызвало взрыв негодования.

Что Лёху (как, впрочем, любого представителя власти) Машка на дух не переносит, Иван знал. Но не мог вообразить, что совершенно естественное желание призвать на помощь успешного однокашника вызовет столь неадекватную реакцию.

– Ну что ты дурака валяешь, – расстроено сказал он. – Будто не знаешь: в России всё делается по знакомству. Блат ещё никто не отменял. Я буду полным идиотом, если не обращусь к своему корешу!

– Корешу?! Пойдёшь на поклон к той самой власти, которая уничтожила твой бизнес? Из-за которой ты поседел раньше времени? А я плакала ночами в подушку? И теперь ты к ним – с просьбами? И это для тебя не унижительно?

Голос у неё был такой, какого Иван ещё никогда не слыхивал: ломкий, звенящий. Вести себя надо было осторожно. Макс глянул предупреждающе – держись, хозяин! – и слинял под стол.

– Машенька, это эмоции. А бизнес их не терпит. Хочешь сделать дело, – поклонись кому угодно. Главное – результат.

– Цель оправдывает средства?

– Конечно! Я когда киосками занимался, и неучтёнку имел, и взятки давал. Что ж ты тогда по поводу целей и средств помалкивала? Отчего встрепенулась только сейчас?

– Мне за тебя стыдно.

– Машка, я прагматик, – он обнял её.

– Да уж, – пробормотала, уткнувшись ему в плечо. – Беспринципный ты, Ваня.

... Был Лёха тихим гением переговоров.

Классе в седьмом, бродя после уроков, они сдуру заглянули во двор-колодец тихого переулочка. Выскочил шкет – близко посаженные глазки, косая светлая чёлочка, носик уточкой. Затянул угрожающе: быстро по полтиннику, не то подвалят пацаны с бритвами, порежут на ремни...

Положение было унижительное. Правду говорил сопляк или пургу нёс, проверять не хотелось. Соблазнительно было смазать шкету по хлебалу, но появление взрослых пацанов не исключалось. Иван нервно оглядывал окрестности.

Их честь спас Лёха.

Ласково улыбаясь, он выдвинулся на передовую и, обхватив шкета за узкие плечики, повёл тихий разговор. Они описали пару кругов вокруг мусорных баков. Иван в недоумении пялился на эту сцену.

Наконец Лёха со шкетом самым доброжелательным образом пожали друг другу руки. Малец двинул прочь, сунув руки в карманы и насвистывая.

– Ну?

– Палки гну, – пробурчал Лёха. – Потопали.

– Как же ты эту гниду уломал?

– Договорились. Он парень ничего... далеко пойдёт.

После юрфака распределился Лёшка в милицию. В семидесятые тянул лямку в ментовке, вырос до старшего следователя. Из органов ушёл на адвокатские хлеба. Навалилась перестройка – избрался сначала депутатом районного, потом и городского совета.

Молодой юрист оказался на вес золота в первом свободно избранном Ленсовете: в юриспруденции там не рубил никто. Стал заместителем председателя комиссии по законодатель-

ству. Казалось, карьера удалась. Но в Москве грянули танковые залпы, Ельцин железной рукой разогнал Советы. Депутат оказался на улице.

Однако вскоре вынырнул в Москве – советником замминистра. Через пару месяцев его фамилия всплыла в избирательном списке «Выбора России» по Петербургу. С этого момента Лёха неизменно и успешно седлал партию власти.

За кулисами карьеры тянулись неразличимые в полутьме нити. Ходили слухи, что Алексей Васильевич лично знаком с самим президентом, что быть Алексею Васильевичу вскоре не то министром юстиции, не то генпрокурором.

В трудные моменты – а их было немало – Ивану доводилось призывать друга на помощь.

Один из деловых кризисов совпал с временным обломом карьеры Лёхи. Друг, утративший округлость щёк, гонял толстыми пальцами с обгрызенными ногтями рюмку туда-сюда.

– Давят, суки, жизни нет. Особенно санэпидемстанция, – закончил Иван. – Можешь помочь? Ты депутатом как-никак был.

При слове «был» Лёха слегка дёрнулся.

– Ну, ты же реальный мужик, – сказал после паузы. – Проблема решаемая, но, сам понимаешь, кое-кому занести надо.

– Не вчера родился. Кому, сколько?

Лёха назвал сумму.

– Да откуда у меня такие бабки?

– Это бизнес, – горько сказал Лёха. – Не был бы ты мне корешем, больше б запросил. Тут моего интереса вовсе и нет. Я же от души.

Запрос после недолгой грызни ощутило скинул, проблема решилась. Всё-таки хорошо иметь друзей.

– ...А почему без него не обойтись? – не отставала Машка. – Посмотри, сколько у людей бизнесов. Магазины, автосервисы, строительные фирмы... как-то ведь обходятся без сенаторов. Почему непременно надо его просить?

– Ну что ты, как маленькая, – раздражённо сказал Иван. – Любые бизнесы – не сами по себе. У каждого – крыша, иначе нельзя. Кто под ментами, кто под эфесбешниками. Бывает, крупный чиновник прикрывает. Если крыши нет – сожрут с потрохами. А то и вообще бизнес отожмут. Активы уведут по липовым договорам. Не нравится – иди в суд, а там судье уже занесли, чтобы принимал правильные решения.

– Сволочная страна, – с ненавистью выдохнула она.

– Какая есть. Нам тут жить. Так что Лёха незаменим. Его кресло позволяет выходить на кого угодно. А Майкл просит нащупать подходы к министерствам-ведомствам. Нам же понадобятся всякие согласования, гарантии, земельные участки... если не иметь твёрдой опоры на самом верху, не увидишь этого как своих ушей. Лёха – человек влиятельный, у него всё схвачено. Нет, без него не обойтись. Ты уж извини.

– А с чего это он тебе помогать станет?

– Так я закажу его фирме регистрацию компании. Под ключ. Сенатор денежку любит. С такого крючка не сорвётся.

– Ну, ты царедворец!

Одобрения в её голосе не было.

6. Слуга народа

Нажать еле заметную кнопку Иван не успел. Замок щёлкнул сам собой.

Встречала ослепительная блондинка: Лёха всегда был равнодушен к этой масти.

– Разрешите, помогу снять пальто.

Друг принял не сразу – потомил, собака, в приёмной. Лет двадцать назад не было у депутатов таких приёмных. Вид на Марсово поле. Испанская мебель. Мягкий ковёр.

Хозяин кабинета читал какие-то – должно быть, страшно важные и секретные, – бумаги. Рассеянно помахал рукой: ща, погоди, только вот разберусь с судьбами родины. С видом необыкновенной значимости положил бумаги текстом вниз, откинулся в кресле, прищурился.

– На Украине-то что творится, а? – спросил государственным басом. – Куда эти студентки заведут?

– В жопу заведут, – подыграл Иван. – А всё потому, что к народу внимания мало. Вот ты редко приглашаешь старого кореша водки попить. Дождётесь, начальники, студентиков таких в Москве.

– Не, у нас народ правильный, – расплылся Лёха, – наш народ власть любит...

Удивительное дело, но выйти на высоко взлетевшего друга оказалось довольно просто. Поначалу Иван приуныл: номер мобильного давно сменился. Однако простой звонок в петербургскую приёмную Алексея Васильевича дал неожиданный результат: сенатор оказался на месте, секретарша исправно доложила, слуга народа взял трубку.

– Привет, Лёха, – нагло сказал Иван. – Надо бы пересечься. Дело есть.

– А ты забегай, – снизошёл сенатор. – И фотку захвати. Моя-то не сохранилась, приятно будет в руках подержать.

...Размордел, поширил Лёха. Иван помнил его стройным, лёгким на ногу. Сейчас перед ним сидел отяжелевший, на редкость представительный мужик с брыльями, распластанными по воротничку сорочки.

Лёха поймал взгляд друга, вздохнул печально:

– В Германию надо, худеть. Там клиника такая есть... каждый год ложусь. Голодание, диеты... дисциплина, как в гуглаге, но – действует! Ты-то вот, вижу, не нуждаешься в диетах...

– Зачем нам диеты? У нас, простых россиян, голодание и так каждый день.

Сенатор изволил развеселиться. Поулыбавшись, решительно сдвинул брови:

– Чем обязан?

– Есть дело. Надо зарегистрировать компанию с иностранным участием, а у тебя – юридическая фирма. Хотим твоими клиентами стать.

Морщины на хозяйском лбу разгладились: гость пришёл не за бесплатной помощью.

– Рад, но условия коммерческие, благотворительностью не занимаемся...

– Не ссы, Лёха, с расценками твоими грабительскими знаком, – сказал Иван, чувствуя в животе приятную платёжеспособность. – Главное, чтобы быстро и качественно. А у тебя все за яйца схвачены. Ты ведь у нас кто сейчас в Совете Федерации, а?

– Председатель комитета по федеральному законодательству, – с видимым удовольствием сообщил хозяин.

– Я же говорю – всё схвачено. Значит, так...

Иван обрисовал задачу. Глаза сенатора подёрнулись прозрачной дымкой.

– Инвестиционный климат... – принялся токовать он, – последние инициативы президента... рост валового продукта... привлечение западных инвестиций...

– Лёха, кончай вешать лапшу на уши. Сделаешь?

– Первым делом клепаем уставники. Как аванс занесёшь – зашлём в росрегистрацию, начальнику сделаю личный звоночек. Проспект эмиссии... комиссия по ценным бумагам... в пару месяцев уложимся.

– Гонишь! – сказал Иван восхищённо.

– Фирма веников не вяжет. Чем заниматься-то намерены?

– Нефтянкой, ноу-хау всякими. Продвинутыми технологиями.

– О! Большое дело. Будем дружить, Ваня.

Достал из деревянного ящичка сигару, показал Ивану. Тот помотал головой – бросил. Лёха закурил.

– Я тебе больше скажу, – принялся кидать пробные шары Иван. – Это же новейшие энергетические технологии. Тут перспектива сумасшедшая. Я что подумал? Посмотри на нашу школьную команду... ты влиятельный политик, Жека – не последний силовик... А если наши возможности объединить? Клёвая идея, админресурс, силовая поддержка...

Сенатор пускал кольца, глядел сквозь.

– Модернизация... высокие технологии... стратегии развития России... А знаешь, с кем надо первым делом это перетереть?

– С кем?

– С да Силвой.

– Эт-то ещё зачем? – после короткой паузы спросил Иван.

– Васька – это большие бабки. А без бабок такие дела не делаются.

– Это будет не так-то просто. Ты ведь знаешь, какие у нас с Сильвенко отношения. Не думаю, чтобы он был счастлив встретиться со мной. Даже не уверен, что смогу на него выйти. Пошлёт меня пират подальше.

– Насчёт ваших отношений весь свет в курсе, – сенатор глядел сочувственно с лёгким оттенком иронии. – Но, коли назвался груздем... Придётся, Ваня, тебе себя пересилить. Хочешь сделать дело – страдай. А я, так и быть, помогу на этот раз. Сведу с олигархом нашим. Сделаю Ваське звоночек, попрошу с лестницы тебя сразу-то не спускать.

Возвращался Иван, крепко ухватившись за руль и сосредоточенно глядя перед собой. У перекрёстков яростно гудели: давай, мужик, не спи, жми на газ! Иван не реагировал. Медленно разгонялся, медленно втягивался в уходящий поток.

Очнуться заставил резкий звук, словно по опелю ударили деревяшкой. И тут же – короткий автомобильный вскрик.

Иван выругался, врубил аварийку. Сзади немедленно образовалась пробка, водители еле-еле обтекали опеля и старый хёндай, приткнувшийся позади слева. Иван пошёл туда.

Из хёндая вылез пожилой мужик – старая куртка, очки, матерчатая сумка через плечо.

– Что ж вы не смотрите-то?

– Я смотрел, – фальшивым голосом сказал Иван. – Что случилось?

– Зеркало свернули!

Левое зеркало на хёндае висело перебитым крылом. Иван подошёл, потрогал. Крыть было нечем.

– Гаишников вызываем?

Они стояли посреди потока машин, неприязненно глядя друг на друга. Сыпал мелкий снег. Разгорались фонари.

– Век бы их не видать, – буркнул мужик, – тут возни на пару часов, да потом ещё к ним за объяснениями-справками...

– Европротокол?

– А толку? Всё равно потом в их контору таскаться... с нашим государством дела лучше не иметь... по-человечески разойтись можем?

– Это как?

– Дайте мне на ремонт, и дело с концом.

В фейсбуке Иван читал, как участники ДТП вроде договаривались «по-человечески», а потом пострадавший всё равно писал заявление, что виновник покинул место происшествия. Посмотрел на мужика испытующе. Пригнулся, вроде зеркало осмотреть, заглянул в салон хёндая. Ленточки-колорадки не заметил. По его опыту, водители с ленточками – самые скандальные.

– Сколько?

– Полторы хватает.

Иван молча отдал полторы тысячи. Они кивнули друг другу и разъехались.

Машка ахнула, всплеснула руками:

– С тобой всё в порядке?

– Ну что ты, Маш, в самом деле... зеркало задел, подумаешь...

– Опеля не побил?

– Да ему хоть бы хны.

Ужинали. Иван внимательно глядел в тарелку. Машка сначала оживлённо чирикала, потом затихла, осторожно спросила:

– Вань, всё нормально?

Он отложил вилку. Поднял на неё глаза.

– Лёха требует переговорить по проекту с Сильвенко.

Показалось: на стол между ними рухнул свинцовый груз. Машкино лицо застыло, потемнело.

– Ты в своём уме? – она сказала это очень тихо.

И вдруг засмеялась.

7. Явление да Силвы

Василий Сильвенко появился в классе на три года позже всех, и Тройка превратилась в Четвёрку.

Иван помнил, как Васька впервые позвал его к себе. Обитателя задрипанной коммуналки поразила прихожая Васькиной квартиры – просторная, со старинной резной вешалкой и бронзовой люстрой под трещиноватым лепным потолком.

Дальше было ещё невероятнее: Васька жил в отдельной комнате, у него имелся собственный письменный стол!

– Можешь посмотреть пока книги. Я домашнее задание добиваю.

– А я уже, и французский успел.

– Не, это по английскому, – вздохнул Васька. Школа у них была с французским, но английский в семье потомственных моряков считался обязательным, родители наняли Ваське домашнего учителя.

В соседней комнате раздался мужской бас, филёнчатая дверь распахнулась. На пороге стоял самый настоящий капитан в кителе с золотым шитьем. Изогнутая трубка испускала великолепный аромат.

– Здравствуйте, – просипел Иван, съёжившись на стуле.

Мужчина приблизился, аккуратно приподнял его за плечи и ласково посоветовал:

– Когда входят старшие, надо привстать... Ну-с, как тебя зовут?

Иван вытянулся столбом и, обмирая, назвал себя шёпотом.

– Что ж, Иван, наслышан о тебе, – благосклонно сообщил капитан и прошёлся, поскрипывая штиблетами. Иван глядел во все глаза: отец дома ходил в сбитых тапках. – Нам будет приятно, если ты станешь приходить к Василию – поиграть, позаниматься. Можешь читать книги из нашей библиотеки... только аккуратно. В общем, ты нам понравился. Будьте с Василием друзьями.

Потный и красный Иван не знал, что ответить.

Капитан усмехнулся, потрепал по вихрам:

– В подобных случаях говорят «спасибо».

Он повернулся к Ваське и заговорил на чужом языке. Васька отвечал тем же.

– Хочешь, научу английскому? – спросил Васька, когда отец ушёл.

– У меня не получится.

– Ещё как получится! Вот, смотри... это читается как «зе». Ну, повтори!

– Зе, – послушно отозвался Иван.

К пятому классу, когда начался французский, он вполне прилично болтал по-английски. Француженка очень удивлялась.

Были они обыкновенными ленинградскими пацанами. В школу пришли в серых гимнастёрках, туго перетянутых сталинскими ремнями, выпускные сдали за год до полёта человека на Луну. Десятилетие надежд. Дороги открыты, дружба – навсегда, а войны, конечно, не будет.

Наивные шестидесятые рухнули в небытие. Впереди пластались глухие, холодные десятилетия. Многие из класса спились, легли в могилы до срока.

Но рок этот не коснулся Четвёрки.

Появление одессита Васьки сыграло решающую роль в становлении компании. Василий был солиден в разговорах со взрослыми, мягкое одесское произношение выглядело стильно. Иван мог собрать радиоприёмник из чего угодно и знал всё об американской орбитальной программе «Джемини». Лёха умел договариваться с людьми. Жека – баскетбольный бог школы. Вчетвером они могли заткнуть за пояс кого угодно.

Запойное чтение домашней библиотеки семьи Сильвенко наложило неизгладимый отпечаток на речь и манеры Четвёрки. После «Одиссеи капитана Блада» Васька принял имя грозного адмирала Васко да Силвы. Иван и Лёха на подобную наглость не решились: пиратские имена не вязались с плебейскими рожами. Жека стал лаконичным Джо.

Однажды резались в дурака в комнате, уставленной тяжёлой резной мебелью. Ивану нравились большие рыцари чёрного дерева, охранявшие дверцы шкафа.

– Откуда у вас такие? – без всякой задней мысли спросил он, кроя Васькиного козыря.

– Что откуда? – рассеянно переспросил да Силва. – А, эти... снизу, из холла.

– Какого ещё холла?

– Внизу, какходишь, был холл с коврами. Это же дом моей бабушки.

– В каком смысле?

– При царе наша бабушка владела этим домом. Она дворянкой была, после революции ей оставили эту квартиру. А остальное, конечно, отобрали.

– Так ты, получается... дворянин? – Иван был потрясён.

– Вроде того, – подтвердил да Силва и зверски вытаращил глаза. – Твой ход, холоп!

Девятый и десятый катились к финишу. Да Силва налегал на математику: капитанова наследника ждала Макаровка. Лёха увлёкся комсомольской работой, пропадал в райкоме. Иван тосковал на уроках, кося глазом на профиль с нежным пушком над верхней губой и вызывая радостное ржание класса ответами невпопад. Джо фанатично рубился в баскетбол.

Внешний мир в это время бурлил.

– Чего чехи-то волнуются?

– Социализм хотят какой-то другой, – сурово отозвался Джо. – Мало им, что мы их от фрицев освободили.

– А, – сказал Иван.

К экзаменам родители разорились на костюм – импортный, польский. Подступали щемящие белые ночи. По вечерам Иван с Машкой нарезали круги вокруг садика, в который выходили низкие окна её квартиры. Окно с треском распаивалось, раздавался сердитый глас:

– Маша, сколько можно! Тебе завтра вставать!

– Сейчас, мамочка! – кричала Машка, и они шли на следующий круг.

Экзамены нахлынули и миновали. Наступила пустота. Оглушительно чирикали воробьи. Деревья пылали зеленью. Сердце толчками гнало звенящую кровь.

Подошёл выпускной вечер. Каждому предстояло идти дальше своим путём. Было грустно.

– Романтики, – презрительно сказал Лёха.

– А что, нормальный ход, – Джо пробарабанил пальцами по фотографии, с которой скалились все четверо. – Мне нравится.

– Я, собственно, не настаиваю, – да Силва был холоден. – Это ведь просто... э-э-э... предложение. Если оно господ не устраивает, могу с голосования снять.

Из полутёмного актового зала доносились аккорды «Поющих гитар». У сортира – пацаны с бутылкой «Трёх семёрок». Химичка открыла было рот сделать замечание, махнула рукой и скрылась. Пролетали раскрасневшиеся девчонки: ожидалась гулянка по набережной, а на Неве – вот это да! – стоит корабль с алыми парусами.

– Ты, да Силва, не торопись, – урезонил Иван. – Сам говорил, что хотел бы глянуть на нас лет через десять после выпускного...

– Через двадцать, – уточнил да Силва.

– Хорошо... Вот через двадцать лет мы, простые советские люди, захотим пообщаться с Лёхой. А он уже генеральный секретарь цека ка-пе-эс-эс. И как нам, скажи на милость, пригласить его на пьянку?..

В башке шумел портвейн.

– ...А мы пришлём ему такую карточку заказным письмом, и он, хочешь не хочешь, на пьянку явится. Ибо поклянётся сейчас страшной клятвой, что карточка эта имеет над ним неодолимую силу... ну, давайте!

Сошлись в кружок, обхватив друг друга за плечи, хрипло проорали:

– Один за всех! И все за одного!

И расцепили руки, посмеиваясь.

– Понеслись, чуваки, меня Машка ждёт, – торопил Иван.

Да Силва поступил в Макаровку. Лёха двинул на юридический. Джо – в Корабелку, Иван – в авиаприборостроительный, Машка на истфак. Всё у всех получилось.

А через год Машка стала женой курсанта Василия Сильвенко.

8. Измены

Иван перешёл на второй курс, когда услышал сплетню: Машка встречается с да Силвой. Поначалу он не поверил нелепому слуху. Конечно, с Машкой они виделись теперь реже, что понятно: лекции, семинары, времени в обрез. Это не школа, где каждый день можно любоваться друг другом.

На летнюю археологическую практику в Херсонес она уезжала торопливо, прощались на бегу. Но так тоже бывает.

Звонила из Крыма, голос нормальный. От страстных бесед уклонилась, что тоже понятно – какая страсть, когда в спину дышит потная очередь на междугороднем?

Спросить: «Любимая, не встречаешься ли ты, случайно, с Васькой?». Глупо. Однако ждать мочи нет.

Позвонил да Силве.

– Надо переговорить.

Встретились, по старой памяти, во дворе.

– Ну? – тяжело уронил пират.

И по колючему блеску глаз, словно затянутых прозрачной плёнкой, Иван мгновенно понял: всё правда.

Он ощутил это, но не успел вписаться в новую реальность. Язык бежал впереди, и Иван позорно, бездарно выдавил:

– Ты же не любишь её так, как я...

Будущий капитан, усмехнувшись, начал разворачиваться, чтобы уйти джентльменом. Иван с криком рванул друга за плечо и впечатал кулак между карих глаз. А нос вечно был у Васьки слабым местом.

Метелили друг друга со всей дури. С Васькиной морды кровь лилась, как из зарезанного поросёнка. У Ивана вылетел зуб. Их разнимали, стоял ор, из окон глазели старухи. Дальнейшее из памяти стёрла гигантская губка.

Разговор с вернувшейся в город Машкой был коротким.

– Звоню в последний раз.

– Маша, что ты делаешь, Маша, – растерянно сказал он.

– Пора взрослеть, Ваня. Спасибо за всё. Жизнь продолжается.

Встретились они через двадцать лет.

Шла осень восемьдесят девятого. Народ зверел, отоваривая талоны на сахар и водку. К этому моменту Иван уже пережил неудачный брак и развёлся. Он бежал к метро – свободный кооператор в шикарной спортивной куртке и настоящих джинсах. И – наткнулся на взгляд глубоких серых глаз, опушённых всё теми же ресницами.

– Стой, стой! – она ухватила его за рукав. В сердце ударила тёплая волна.

– Машка!

Кинулись друг к другу, смущённо отстранились.

– Ты куда?

– За картошкой, – засмеялась, показывая авоську. – На рынке вроде есть. Дорого, и очередь, зато есть.

– Какая, к чертям, картошка... Пошли куда-нибудь, посидим...

В мороженице болтали о всякой чепухе. Он жадно смотрел на неё. Она почти не изменилась – тот же румянец на высоких скулах, тот же слегка задыхающийся голос. Пополнела, конечно. Но ему было плевать. Это была всё та же Машка. Словно все двадцать лет хранилась в кладовке, и вот её вынули и показали ему, и всё вернулось. Его тянуло к ней с прежней, теперь слегка пугающей силой.

Они начали встречаться. Поначалу – стесняясь странного импульса, неумолимо толкавшего к сближению. Оба ощущали неудобство, приводящее в смущение: взрослые люди, а как подростки... на пятом-то десятке?

Машка переживала этот взрыв влечения истинно по-женски. Когда Иван рассказал о своей прежней жизни, о развалившейся семье, порывисто вздохнула:

– Теперь найдёшь себе молодую...

– Эт-то ещё почему?

– Первый брак часто по глупости. Второй – осознан. Во втором браке жена всегда моложе мужа.

– Ты мудрая черепаха Тортилла, – сказал он.

Оба старательно делали вид, что эти встречи – просто дань щенячьей любви-дружбе двадцатилетней давности. Мы же друзья, да? У каждого своя жизнь, мы взрослые люди. Разве взрослым людям запрещено встретиться, вспомнить былое? Нет тут ничего дурного.

Мобильных телефонов ещё не знали, Иван Машке звонить домой не мог – не стоило наводить на неприятные размышления потомка пиратов. Вечерами она выходила прогуляться и звонила из телефона-автомата.

Ивана это удивляло: неужто Васька не видит ничего странного в регулярных вечерних отлучках жены? Однажды прямо спросил об этом. Был вечер, сидели в заросшей аллее парка. Машка не отвечала, он открыл было рот продолжить расспросы и с ужасом увидел, как по её щекам текут слёзы. Потом она говорила, задыхаясь, сморкаясь, безуспешно пытаясь отыскать сухое место на промокшем платке.

Машка была примитивно несчастна с мужем-капитаном. В деталях Иван не разобрался, женские доводы, он знал, надо делить на десять. В сухой остаток выпали отсутствие рейсов, грошовое жалование, нарастающее Васькино отчуждение, а в качестве бонуса – необходимость самой таскать с рынка пресловутую картошку.

– Все так живут, Маш, – осторожно сказал он.

Проходившая мимо молодая мама с коляской косилась с любопытством.

– А я... не хочу... так... – еле выговорила Машка, с отчаянием глядя на коляску. – Я же... не виновата...

– В чём?

Она уткнулась в его плечо. Её плечи тряслись.

...Оба страстно желали ребёнка. Но – не получалось. Сначала это казалось случайностью: бывает, не всё сразу. Затем начались хождения по врачам. Те смотрели сочувственно, однако помочь не могли: неизлечимое бесплодие. Василий почернел. Сын был его мечтой: наследник, будущий капитан, который продолжит славный род моряков Сильвенко. Молчал неделями, смотрел в сторону. Временами становился приторно вежливым – «лучше бы побил», всхлинула Машка. Приноровился пропадать на работе, а то и вовсе не ночевать дома. На Машкины упрёки отвечал ироническими усмешками. Когда же та нерешительно заговорила об усыновлении детдомовского ребёнка, взорвался – «Мне подделок не нужно!». Глаза налились кровью, губы тряслись, усы топорщились. «Ты меня обманула!».

Ночевал капитан в кабинете на диване. Наутро всё вроде бы успокоилось. Но в доме Сильвенко звучали теперь только разговоры о погоде да вечно включённый телевизор.

– Дура я, что тебе рассказала, – еле слышно прошептала она. – Забудь, забудь!

– Машка!

Она вырвалась, вскочила, побежала. Он ринулся за ней. Но не успел: Машка тормознула какие-то жигули, упала на переднее сиденье, машина резко взяла с места.

Она исчезла на месяц. Иван не находил себе места. В конце концов подкараулил возле школы, в которой она работала, догнал. Машка нервно огляделась.

– С ума сошёл? Нас же увидят!

– Плевать.

– Тебе плевать, а мне – нет. Бабы завистливые, по школе слухи пойдут...

– Поехали ко мне. Надо поговорить.

Она стояла, покусывая губы. Неохотно кивнула.

Он привёз Машку в хрущёвскую двушку, оставшуюся от родителей. Она бродила по квартире. Увидела над письменным столом фотографии в рамках. На одной четверо мальчишек скалятся в объектив, на другой – она сама в школьном платье. Провела пальцем по стеклу. Не оборачиваясь, спросила:

– Моя фотка с тех пор тут?

– С тех пор.

– А вот у меня твоего снимка нет, – сказала задумчиво. – Ты поговорить собирался?

Он осторожно обнял её. Она не отстранилась.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Не уходи. Я люблю тебя. Бросай своего капитана. Выходи за меня замуж.

– Ванька, – голос был недоверчивым, – что за фантазии? Сейчас нам по сорок, вид ещё товарный. А будет по шестьдесят? Ты – бодрый молодежавый мужчина, я – старушка. На фиг я тебе, такому видному, в шестьдесят?

– Но я же люблю тебя, – возразил он, – и всегда любил. Мало мы ждали, что ли?

Осенью девяностого Сильвенко развелись, вскоре Иван с Машкой расписались. Прямо из ЗАГСа ринулись в Пулково и оказались в Греции.

Вечером сидели на остывающей гальке у полосы прибоя. Из тёмной дали набегали волны. У горизонта медленно ползли огоньки судов.

– Я список кораблей прочёл до середины, – сказала Машка. – Никогда бы не подумала, что со мной такое может произойти.

Он засмеялся.

– Список ещё не прочитан, Машка... вся жизнь впереди!

– А вот и не вся, Ванечка. Две трети уже прожили. Поздно вато мы с тобой встретились.

– Зато что осталось – наше.

– Наше, – подтвердила она и пошла к воде. Слышно было, как под её ногами хрустит галька.

– Купаться будем, кооператор? – крикнула из темноты. – А голыми? Слабо?

Какие это были годы!

Ощущение силы и счастья переполняло его. Бизнес летел на крыльях. Дома ждала любимая.

В девяносто шестом Иван уговорил Машку пойти на встречу класса. Хотел похвастать, к чему привёл школьный роман.

Да Силва на встречу вроде не собирался.

– Не до нас сейчас Ваське, – сообщил Джо, – высоко взлетел дружбан наш.

Оказывается, в капитане Сильвенко сработали-таки гены предков-пиратов: моряк сумел оседлать приватизацию пароходства и стал практически его владельцем. Логистика, недвижимость, отели на тропических островах...

– Олигарх, в общем, – подвёл итог Джо.

Машка с Иваном стали гвоздём вечера: счастливые, богатые, успешные. Бабы глазели завистливо.

Отплясывали под хиты семидесятых. Вдруг по залу прошла волна. Иван оглянулся. Сквозь дым на него упал тёмный взгляд.

Послышался ломкий голос Машки:

– Василий, не смей.

Да Силва приближался неспешно. Упала мёртвая тишина. Со стороны окна обстановку сканировал мускулистый Джо.

– Не погань людям вечер, да Силва, – сказал Иван.

– Вот слова честного, порядочного человека, – учтиво отозвался да Силва, – слова джентльмена, не склонного разрушать семьи...

Тут-то Иван ему и врезал.

Разбили зеркала, поломали большой фикус. До милиции дело не дошло – гений переговоров сунул пачку купюр кому надо. Машка наорала на обоих мужей. На прощание те пробуровили друг друга суровыми взорами.

Прошло восемнадцать лет. Но взаимную неприязнь эти годы не остудили.

9. Машкины взгляды

Он выволок из дровника козлы, размотал кабель пилы, взвесил в руке колун. В иной день не стоило бы заниматься хозяйством в этакую хмарь. Но сегодня душа просила. С низкого неба сыпалась снежная крупа. Иван крякнул, решительно установил козлы и бросил на них первое бревно.

Пилить дрова он не любил: слишком механическое занятие. Другое дело – колоть напиленные по размеру чурбачки. Финский колун ловко лежит в руках, полешки разлетаются с сухим треском, эхо ударов отскакивает от дома.

Поработать сегодня стоило: впереди зима, обещают – аномально холодная. В интернетах пишут, такая случается раз в сто лет.

– Точно собираешься с ним встречаться?

Машка подошла неслышно. Стояла, кутаясь в тёплый платок, глядела недружелюбно.

– Накинула бы ватник. И варежки. Руки замёрзнут, а тебе вредно...

– Так точно намерен?

– Это бизнес, Маша. У меня перед Майклом обязанности.

– Становиться смешным тебя никто не заставляет.

– Смешным?

– А то не понимаешь... ладно, пошли чай пить. Мне сейчас наливать трудно, поухаживай.

– Пилу только спрячу. Сопрут ведь.

Её резиновые сапоги оставили на тающем снегу тёмные следы. На сарай села здоровенная ворона, покосилась с интересом. «Кыш» – машинально сказал Иван. Ворона оглушительно каркнула и улетела.

– Не понял насчёт смешного, – сказал Иван, ставя на стол кружки. – Объясни по-человечески.

– У тебя, Ваня, шея длинная. С трудом доходит.

Как всегда, она грела руки о кружку.

– Только-только за дело принялся, и вот уже, хоп! – ты должен советоваться с мужиком, который тебе морду бил. Отличный партнёр, ничего не скажешь! А отношения ваши берётся наладить видный член партии жуликов и воров, у которого на роже – печать кристальной честности...

– Маш, ну что ты, чес-слово... человек такую карьеру сделал... сам, без богатенького папочки, это уважать надо...

– Карьеру? Какую карьеру? Учёного, врача, архитектора? Нет, он сделал карьеру жополиза и прохвоста. Всегда чуял, зараза, под кого подстелиться. Нет, Ваня, я это уважать не буду. И тебе не советую.

– Уж больно ты сурова.

Взгляды жены на власть Ивану были хорошо знакомы. В целом он их поддерживал, не одобрял только Машкиного фанатизма. Ну да, наверху – ворьё, дело известное. Но ведь везде так. И везде люди свою власть терпеть не могут. Закон природы. Иван предпочитал не слишком углубляться в тему: что толку? Такова жизнь. Изменить её невозможно.

Машка, однако, смотрела на дело иначе. Во-первых, по образованию она была историком. Любила сопоставлять факты, выводить закономерности. Во-вторых, ещё в школе открыла для себя запрещённых тогда Солженицына, Джиласа, Восленского.

А началось всё с её деда.

В школьные годы Иван видал этого старика частенько. Тот каждый день вышагивал по переулкам – спина прямая, без палки, руки за спиной. Считал, если проходить в день не меньше десяти километров, доживешь до ста лет.

Был он сух, горбонос, кожа – смятый пергамент. Длинные суставчатые пальцы всё время крупно тряслись. Чтобы взять вилку, дед придерживал правую руку левой. Вилка падала, он оглашал дом проклятиями.

Семейная легенда гласила: неизлечимая дрожь – с гражданской. Воевал дед с басмачами, попал в плен, его жестоко пытали, подвешивая за руки. Как-то старикан подмигнул Ивану:

– Хочешь фокус?

Достал чекушку, велел налить стопку. Долго принаравливался, – как ухватить, чтобы не пролить. Молодецки хлопнул, вытянул руки.

– Гляди!

После стопарика пальцы были абсолютно неподвижными.

Подлинная история деда была страшнее легенды о басмачах.

Однажды, когда Машка училась в девятом классе, дед захотел с ней поговорить.

Он вытянул руки и спросил: «Думаешь, басмачи пытали? Нет, внучка, это органы».

Взяли его как участника какого-то заговора. На допросах били резиновым шлангом, подвешивали за руки. Потом, удивительное дело, выпустили. В сорок первом дед пошёл добровольцем, в сорок пятом загремел в лагерь: брякнул, что студбеккер – хорошая машина. Такое считалось антисоветской агитацией. Отсидел девять лет и никогда уже больше не говорил ни о войне, ни о лагере. А внучке решил открыться.

Машка была абсолютно советской девочкой: собрания, политинформации, вахты памяти. Деду не поверила: такого не может быть. Насупившись, слушала, как брали ночью, как тащили волоком, били, подвешивали на крюк.

На следующий день на переменке отозвала в угол подругу Ольгу, первую книжницу класса. Через несколько дней та, таинственно подмигивая и оглядываясь, сунула Машке пакет. Слепую машинописную копию «В круге первом» Солженицына Машка одолела за несколько ночей – таясь родителей, с фонариком под одеялом. Родители не одобрили бы чтение антисоветской литературы.

Ещё через неделю она пришла к деду и спросила: «Деда, как жить теперь?». Старик ответил: «Молча. Я же живу». И через год умер от рака.

Когда они поженились, Машка рассказала эту историю Ивану. «Так зачем он тебе открылся, если всю жизнь молчал?» – «Чтобы советской дурой не выросла. Я и не выросла» – «Хорошо, что нам другие времена достались» – «А вот и нет, Ваня. Об этом он особо предупреждал. Не будь, сказал, наивной. Зло не исчезает. Оно просто меняет облик».

Так и жила она, ненавидя телевизор с его истеричными ток-шоу, саркастически комментируя каждое идиотское решение депутатов Думы. Иван внутренне соглашался, мысленно иронизируя: меньше страсти, Машенька. Вредно для нервной системы.

И вот – впервые Машка приложила свои политические взгляды к семейному делу. Результат Ивану не нравился.

– Маш, я же их просто использую, – принялся объяснять он. – Обниматься с ними не собираюсь. Просто хочу честно выполнять обязанности гендиректора. Надо в коридорах власти кланяться – поклонюсь. Надо с олигархом виски пить – буду пить. Я должен получить результат, иначе какой я директор! Они для меня – инструменты. Пришло время – я их достал. Обычное дело.

– Смотри, как бы они тебя не достали, – усмехнувшись, сказала Машка. Коли с ними связался – жди чего угодно. Хорошо хоть, кагебешника этого, Джо, додумался не подтягивать. А то совсем дело дрянь было бы.

10. Олигарх

Иван посмотрел в глазок видеокamеры, нажал кнопку, назвал себя. Замок щёлкнул.

В прежние времена возле входа стоял фанерный киоск, в котором вечно дремал сапожник-ассириец. Резная дореволюционная дверь была тогда искромсана трудящимися, вместо стёкол – взбухшая фанерка.

Киоска давно нет. Дверная резьба тщательно восстановлена. Сквозь тонированные стеклопакеты не видно ровно ничего. Родовое гнездо Сильвенко снова функционирует.

Лестницу узнать было невозможно. Мраморные ступени. Ажурное чугунное литье. Ковры. На площадке второго этажа встретил молодой человек – пиджак оттопыривается слева.

– Извините, – вежливо, быстро охлопал Ивана.

Да Силва поседел, слегка сторбился. Глядел пронзительно. Руку протянул.

– Добрый день, господин капитан, – ровно сказал Иван. – Я с поручением от сенатора. Есть деловой разговор.

– Лёха сказал, у тебя что-то интересное. Очень уж просил уделить время.

– Есть тема.

– Настолько важная, что себя пересилил?

Повисла пауза.

– Василий Петрович, – как можно хладнокровнее сказал Иван, – давай расставим все точки. Я тут не по личному делу. По личному я к тебе никогда бы не пришёл. И инициатива тут не моя. Это, как ты знаешь, просьба члена Совета Федерации эр-эф. Сенатор и председатель всех возможных комитетов попросил, ты, как человек реальный, согласился. Так что не стоит тратить время зря. Считай, мы ведём официальные переговоры.

На роже да Силвы не шевельнулся ни единый мускул. Он указал Ивану на кресло.

– Слушаю.

Иван, не торопясь, разложил на столике бумаги. Васька сидел сфинксом.

– Ты, конечно, знаешь, что основа национального величия – углеводороды. Чем дороже нефть, тем лучше для России. Сверхдорогие нефть и газ толкают Запад и Китай к поиску дешёвого топлива...

– Волга впадает в Каспийское море. Давай без предисловий.

Слушал он внимательно, вопросы задавал правильные. Ощущение было, что к разговору основательно подготовлен. Лёха, что ли, ввёл в курс?

– Ты же энергетикой никогда не занимался, в крупный бизнес не заносило. Значит, можешь быть только посредником. А я с посредниками, прости, дел не имею. Правило такое.

Иван выдержал паузу.

– Боюсь, Василий Петрович, придётся на этот раз правила слегка поменять. Я, видишь ли, совладелец базовой компании, расположенной в Штатах. Простой миноритарий, конечно. Но кое-что вложил. Член правления, вице-президент по странам СНГ. Основной владелец дал мне все полномочия для любых переговоров и действий в России. Документы показать?

– И как же скромный питерский пенсионер сумел занять такую позицию в американской компании? – проворчал да Силва, рассматривая верительные грамоты.

– Президент компании – мой старый друг. Занимается венчурным бизнесом. Находит стоящее – вцепляется бульдогом. На этот раз вцепился в зелёную нефть. Считает, здесь рождается новый глобальный рынок.

– Почему зелёную?

– Цвет доллара. Да она и в самом деле зелёная.

Пират копался в технико-экономическом обосновании, намётанным глазом сканировал таблицы и графики.

– Не в гараже реактор-то собирали? – поинтересовался уже другим тоном. – Первую персоналку Гейтс с приятелями клепал именно в гараже...

– Не поверишь: первый биореактор соорудили из сантехнических пластиковых труб.

– Вот так просто?

– Не сказал бы. Кроме реактора, есть генномодифицированные водоросли. И питательный соус, они от него плодятся как сумасшедшие.

– Это и есть ваше ноу-хау?

– Правильно понимаешь. Реактор соорудит кто угодно, софт написать не велика хитрость. А водоросли ребята Майкла выводили десять лет. Пока кто другой будет секрет раскрывать, мы далеко уйдём.

Да Силва молчал, стоя у окна, за которым быстро падали сумерки.

– Майкл твой не дурак, но некоторая наивность в проекте присутствует, – сформулировал наконец. – Не в ту страну со своей зелёной нефтью ломится. В России чёрной нефти залейся – кому нужен конкурирующий продукт?

Иван возразил было, но да Силва остановил его движением ладони.

– Однако он верно рассчитал: в России в избытке такое полезное ископаемое, как деньги. Залегают толстыми слоями. Это на Западе каждый цент считают, у нас миллиард кинуть – не проблема. Надо только правильных людей найти.

Выбил дробь по подоконнику.

– Вот что, Иван Сергеевич... за идею – спасибо, мне она кажется привлекательной. Высокотехнологичные стартапы – вещь перспективная, в такое время живём... Но, уж не обижайся, я намерен с твоим господином Тэйлором установить личный контакт. Слетаю в Калифорнию, познакомлюсь, гляну, как эта ваша зелёная нефть в реальности выглядит. Надеюсь, без обид?

– Какие между нами обиды, – с нажимом сказал Иван.

Васька усмехнулся.

– Да уж... ладно, замнём. Знаешь, что-то мне подсказывает: дело это – стоящее. Но опыт говорит, Ваня, что для запуска проекта кое-чего не хватает. Чего-то такого, что в нашей стране совершенно необходимо. Я бы обсудил этот вопрос с Жекой. Без серьёзной силовой поддержки в такое соваться, поверь, дохлое дело.

– Вот это как раз не проблема, – ответил Иван.

11. Силовик

К Джо Иван отправился на такси – знал, что на своей машине ехать смысла нет. Если полковник приглашает, гостеприимство его способно принять устрашающие размеры.

У поворота на бетонку ждал уазик с армейскими номерами. Прикатили к бетонному забору с облупившимися красными звёздами. Скучный солдатик, гроза сонных мух, отворил гремучие железные ворота.

На огневом рубеже обнаружился единственный стрелок – наушники, очки, готовность к стрельбе из положения стоя. Ударила очередь. Иван вздрогнул.

– Как был гражданским дурилкой, так и остался, – сказал Джо, снимая наушники.

Обнялись.

– Значит, так, – протрубил полковник. – Постреляем, потом перекусим. Возражения?

– Какие, на хрен, возражения. У вас же тут чуть что – и к стенке.

Их коммуналки были в одном доме, Ивана – на шестом этаже, Жеки – на втором. Отец Жеки заведовал гаражом и лелеял собственную «Волгу». Комната у них была богатая: сервант, ковер, приёмник «Сакта».

Жека – жилистый, хваткий, весь на пружинках. Когда Четвёрка оформилась окончательно, он превратился в Джо. Ему шло это короткое, мускулистое имя.

Студентом Джо каждое лето комиссарствовал в стройотряде. Однажды взял с собой Ивана. Тот освоил ремесло каменщика и увидел, как человек ломает кувалду.

Теоретически сломать кувалду невозможно. Но вечный объект шуток, интеллигентный Лёня Фридман ухитрился с первого удара захватить по колу верхней частью рукояти. Толстая палка хрустнула, чугунный боёк упал на землю. Бригада рухнула в припадке хохота.

Отличное это было лето. Дали концерт в ближнем селе. Иван пел «Дом восходящего солнца». Ночью, разогретые вином и местными девчонками, возвращались к отрядному бараку. Шумели и гнулись деревья. По небу неслись рваные облака. Истошно лаяли собаки. Ванька схватил друга за руку:

– Джо, смотри!

На чёрном беззвёздном небе через разрывы туч глянули сразу шесть лун – дрожащих, мерцающих. Ощущение было, словно в космосе соткался чудовищных размеров кристалл, в вершинах которого блистали сгустки ледяного огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.